

Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V.

Германо-Российская ассоциация юристов

Интервью с профессором А. С. Комаровым, заведующим кафедрой международного частного права Всероссийской академии внешней торговли, членом президиума МКАС при ТПП РФ (декабрь 2015 г.)

Профессор Александр Сергеевич Комаров является заведующим кафедрой международного частного права Всероссийской академии внешней торговли (www.vavt.ru), где он преподает гражданское и торговое право зарубежных стран, международное частное право и международный коммерческий арбитраж.

Начиная с 1993 г. профессор Комаров состоит в Президиуме Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ, <http://mkas.tpprf.ru/ru/>), который он возглавлял до 2010 г.

Александр Сергеевич Комаров является автором более 180 работ и статей, опубликованных в российских и зарубежных изданиях, по международному частному и сравнительному праву, арбитражному разрешению международных экономических споров, а также по проблемам международного торгового права. Профессор Комаров

часто выступает в роли арбитра в международных арбитражных разбирательствах и владеет немецким и английским языками.

Кроме того, Александр Сергеевич Комаров является членом Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, членом Совета при Президенте РФ по совершенствованию правосудия, советником Исследовательского центра частного права при Президенте РФ, членом делегации РФ на сессиях и в рабочих группах Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), членом Руководящего совета Международного института унификации частного права (УНИДРУА) от Российской Федерации, членом Научно-консультативного совета Верховного суда Российской Федерации, членом Международной Академии Коммерческого и Потребительского Права (IACCL), членом Руководящего совета Международного совета по коммерческому арбитражу (ICCA) и т.д.

Более подробно: http://www.vavt.ru/prep/by_id/KOMAROV

Уважаемый Александр Сергеевич,

Большое спасибо за то, что Вы согласились ответить на ряд вопросов Германо-Российской ассоциации юристов. Подготовленные нами вопросы касаются Вашей деятельности в качестве профессора Всероссийской академии внешней торговли, члена президиума МКАС при ТПП РФ, а также ряда других известных организаций.

Каково Ваше мнение о реформе гражданского права в России, проводимой с 2012 г.? Какие аспекты реформы Вы бы выделили положительно? Что, на Ваш взгляд, особенно удалось, а что получилось не до конца?

Оценивая изменения в гражданском праве России, которые имели место после 2012 года, необходимо иметь в виду, что фактически эти новеллы представляют собой второй этап реформы российского гражданского права, которая была начата принятием в 1994 году Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. Как известно, принятие нового гражданского законодательства было предопределено фундаментальными социально-экономическими изменениями, произошедшими в России в начале девяностых годов прошлого века. Действовавшее до этого социалистическое гражданское право было предназначено обслуживать совершенно иную социально-экономическую систему общественных отношений. Естественно, оно было не в состоянии обеспечить правовую среду для развития рыночных отношений в условиях свободной предпринимательской деятельности, которая в новых условиях должна была стать основой национальной экономики. Принятием нового Гражданского кодекса была сделана попытка создать

необходимую нормативно-правовую базу на основе принципов и институтов классического частного права. Вместе с тем, в подавляющем большинстве, российские специалисты, работавшие над созданием нового Гражданского кодекса, бывшие высококвалифицированными специалистами в области действовавшего в СССР гражданского права, в силу объективных причин не обладали достаточно четким представлением о реальном функционировании современного рыночного механизма, что отчасти восполнялось консультациями с зарубежными коллегами из стран с развитой системой частного права. Как мне представляется, кроме того, создатели Кодекса, в число которых входил и Ваш покорный слуга, несколько недооценили инерционность предшествующей хозяйственной практики, в которой отражался глубоко укоренившийся административно-правовой механизм регулирования экономических отношений, основанный на централизованной системе управления народным хозяйством. Все это не могло не отразиться на содержании нового законодательства. Вместе с обстоятельствами субъективного характера, эти обстоятельства серьезно препятствовали внедрению в действующее право нормативного регулирования, основанного на принципах частного права и отвечавшего необходимости развития рыночных отношений.

Естественно, что такая ситуация привела к тому, что на практике новое гражданское право в значительной мере искажалось, деформировалось, и не могло полноценно выполнить свою роль. Кроме того, макроэкономическая среда, в которой должны были действовать новые нормы, еще не сформировалась в должной мере и поэтому хозяйственный оборот не отвечал тем требованиям, которые должны были стать предпосылкой применения соответствующих правовых норм. Во многом, в народном хозяйстве продолжал доминировать экономический уклад, который был основан на ранее действовавшей системе централизованного планового хозяйства. В результате возникла достаточно высокая степень правовой неопределенности в регулировании хозяйственных отношений. Именно поэтому обострилась необходимость в дополнительных мерах в законодательной сфере для того, чтобы сделать существующий гражданско-правовой механизм более адекватным реальным экономическим условиям формирующихся в стране рыночных отношений. Это и было причиной проведения второго этапа реформирования российского гражданского права. Соответствующие изменения законодательства по существу были прямым ответом на проблемы, которые встали на первом этапе реформы российского гражданского права. Возникла необходимость корректировки действующего законодательства с учетом судебной практики, сложившейся в сфере имущественных отношений, которые были характерны присутствием, как новых начал экономической жизни, так и продолжением влияния условий ранее существовавшего экономического порядка.

В качественном отношении внесенные на втором этапе реформы изменения, безусловно, будут способствовать повышению степени правовой определенности правового регулирования, в особенности в сферах, относящихся к правовым институтам, которые ранее отсутствовали в российском гражданском праве в предшествующий исторический период, в частности, в области корпоративных,

земельных отношений, финансовых сделок. Включение в Кодекс ряда новых норм было продиктовано стремлением отразить сложившуюся на первом этапе реформы судебную практику, хотя она не была достаточно последовательной в реализации задач гражданско-правового регулирования в новых условиях. В этом проявилась большая роль, которую играли в подготовке новых норм представители судейского сообщества. Говоря о содержании нового законодательства, нельзя также не отметить, что в ряде случаев принятые на этом этапе законодательные новеллы были сформулированы, опираясь на концептуальные начала, которые не соответствовали традиционному для российского права юридико-техническому подходу, каковым является континентальное право. Представляется, что причиной этого стали не какие-либо объективные обстоятельства, а ряд субъективных моментов, связанных, в частности, с активным участием на завершающем этапе подготовки законопроекта юридических советников, представлявших англо-американскую школу права. В этой связи можно ожидать, что в правоприменительной практике могут возникнуть проблемы при применении таких норм, поскольку некоторые новые нормы фактически относятся к регулированию отношений, которые уже являются предметом регламентации Гражданским кодексом. Однако, в целом, можно с уверенностью сказать, что российское гражданское право становится более отвечающим задачам, которые оно должно выполнять в правовом государстве.

Можно ли сказать, что российское право целиком и полностью является представителем континентально-европейской правовой системы? Или оно, перенимая некоторые институты, местами приближается к англо-саксонской правовой семье? Рассматривались ли при разработке реформы Гражданского Кодекса РФ отдельные аспекты и опыт немецкого права?

Несмотря на то, что теперь в российском гражданском праве появились нормы, «списанные» с англо-американских образцов, российское гражданское право продолжает оставаться в лоне континентальной системы. Трансплантация некоторых правовых подходов из англо-американской системы права стала результатом активного участия в процессе реформы гражданского права на его втором этапе специалистов из Англии и США. Эти нововведения касаются, в основном, создания более благоприятного для коммерческого оборота регулирования корпоративных отношений, а также и для сделок на финансовых рынках. Они не могут, в принципе, изменить характер российского гражданского права в целом, которое основывается на традициях романо-германской системы, в рамках которой оно развивалось и будет развиваться в дальнейшем. Я не ошибусь, если скажу, что в настоящее время среди российских ученых-цивилистов идея сближения российского права с англо-американскими концепциями воспринимается весьма критически. Российские юристы традиционно с большим вниманием относятся к изучению современного развития германского права и практики его применения. В процессе работы над проектом Кодекса, также как и его последующих изменений, постоянно

анализировалось не только действующее гражданское законодательство ФРГ, но также германская судебная практика и доктрина.

В чем, на Ваш взгляд, причина того, что многие российские предприниматели при совершении международных сделок договариваются о применении иностранного (напр. английского) права? Повлияет ли, по Вашему мнению, реформа гражданского права в России на более широкое применение российского права?

Вопрос выбора применимого к международным сделкам материального права представляется одним из наиболее сложных из числа проблем, которые приходится решать юристам при заключении международных коммерческих контрактов. В решении этого вопроса большую роль играют разнообразные экономические, организационные и прочие факторы и, в первую очередь, договорный потенциал контрагентов. По-моему, одна из главных причин, когда российские контрагенты соглашаются на применение иностранного права, заключается в том, что российские юристы еще не обладают достаточным опытом в области правового регулирования внешнеэкономической деятельности. К сожалению, зачастую они недостаточно хорошо подготовлены для решения вопросов в области международного частного права, не обладают необходимой информацией, наличие которой могло бы позволить им аргументировано вести переговоры и добиваться наиболее благоприятного для своей стороны решения этого вопроса. Поэтому часто они идут на поводу у своих иностранных контрагентов, которые предлагают им применять иностранное право. Естественно, современное российское гражданское право с точки зрения его полноты и детализации регулирования коммерческих отношений еще заметно уступает праву ведущих стран с развитой рыночной экономикой. Современная реформа российского гражданского права, безусловно, может быть важным аргументом в его выборе в качестве применимого к международным сделкам, поскольку сегодня его можно поставить в один ряд с национальными правовыми системами, где гражданское право достаточно успешно выполняет свою роль.

Как Вы думаете, какие дальнейшие правовые реформы необходимы для улучшения инвестиционного и делового климата в России?

На сегодняшний день основная задача должна состоять не в принятии новых законодательных актов, их количество на сегодняшний день вполне достаточно. На данном этапе необходимо добиться реального исполнения существующего правового регулирования в области предпринимательской деятельности, четкости в действиях административных, правоохранительных органов, судебной системы.

Как Вы оцениваете систему юридического образования в России? Какие изменения последних лет Вы бы отметили? Что Вы считаете можно или необходимо улучшить?

Система юридического образования в настоящее время переживает сложный период преобразований, как и вся система высшего образования в России. В основе этих мероприятий лежит так называемая «Болонская система», предполагающая деление процесса образования на два этапа – бакалавриат и магистратура. В соответствии с этой системой период получения законченного высшего образования, позволяющего заниматься профессиональной деятельностью, сокращен до четырех лет в отличие от пятилетнего срока, действовавшего ранее. Лично я отношусь достаточно критически к этому нововведению, поскольку, по-моему, не было достаточных оснований ломать сложившуюся на протяжении многих десятилетий и оправдавшую себя систему подготовки профессиональных кадров, в частности в области юриспруденции. Имеющее место в последние годы снижение уровня подготовки юристов связано не с использованием «старой» системы, а с неоправданно широкой практикой создания юридических ВУЗов, которая не имела под собой объективных предпосылок, и прежде всего преподавательских кадров необходимого уровня. Это привело к тому, что появлялись юридические институты и факультеты, которые фактически функционировали только «на бумаге», однако имели право выдавать официальные документы о юридическом образовании. К сожалению, в настоящее время изменения в государственной политике в этом отношении, хотя и носят радикальный характер, в основном сводятся к более жесткому регулированию организации и материально-технического обеспечения учебного процесса в ВУЗах, что заставляет профессорско-преподавательский состав тратить много времени на формальности в ущерб совершенствованию учебного процесса. Хотелось, чтобы ВУзам в целом и их профессорско-преподавательскому составу было предоставлено больше самостоятельности в реализации их творческой деятельности по подготовке профессиональных кадров.

Юристов с какой специализацией выпускает Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)? Кем становятся Ваши выпускники?

В ВАВТ готовят специалистов по двум специальностям: международное (публичное) экономическое право и правовое регулирование международного коммерческого оборота. После окончания ВАВТ выпускники идут на государственную службу, например, в Министерство экономического развития Российской Федерации, становятся юридическими консультантами на производственных и торговых предприятиях, в консалтинговых фирмах, адвокатских бюро.

Вызывает ли интерес немецкое право у российских ученых и студентов? Есть ли у ВАВТ программы сотрудничества и обмена с ВУЗами из Германии? На Ваш взгляд,

интерес к немецкому языку и немецкому праву в последние 5-10 лет увеличился или, наоборот, сократился?

Традиционно российские юристы отдают должное изучению немецкого права. В последние годы были переизданы переводы на русский язык Германского гражданского уложения и других важных источников немецкого права. Я могу подтвердить Вашу мысль, что интерес к немецкому праву у российских юристов в последнее время увеличивается. Среди наших студентов-юристов все больше проявляется желание изучать немецкий язык, не говоря уже о тех, кто поступает в аспирантуру и желает использовать достижения немецкой юридической науки.

В августе 2014 г. завершил свою деятельность Высший Арбитражный Суд. Высшая судебная инстанция по гражданским и коммерческим делам теперь сконцентрирована в новоформированном Верховном Суде РФ. Как вы оцениваете наследие ВАС? Изменилась ли с тех пор судебная практика? Каково Ваше мнение о слиянии судов?

Слияние высших судов, в принципе, можно приветствовать, как начало серьезной реформы судостройства в России, которая, безусловно, назрела. ВАС РФ за годы своей деятельности внес весомый вклад в развитие правовой системы России в целом и российского гражданского права в частности. Однако, нельзя не отметить, что в его правоприменительной практике были решения, которые были уязвимы для серьезной критики, как с практической, так и с теоретической точек зрения. Это вполне объяснимо, поскольку речь идет о периоде становления нового понимания содержания права в жизни общества, и на этом пути, безусловно, возможны ошибки. Вместе с тем, нет причин отрицать полезность также и для текущей судебной практики большого количества опубликованных ВАС РФ информационных материалов по многим вопросам применения действующего российского законодательства.

Каких-либо принципиальных изменений в осуществлении Верховным Судом РФ его конституционной функции по обеспечению единства правоприменительной практики в области гражданско-правовых отношений я не ожидаю. Очевидно, что некоторые позиции ВАС РФ возможно будут обновлены. Хочется надеяться, что в новом формате соответствующие коллегии Верховного Суда РФ будут действовать более эффективно и последовательно, чем это было в прошлом, в направлении обеспечения в правоприменительной деятельности российских судов тех начал и принципов гражданского законодательства, которые установлены Гражданским кодексом Российской Федерации, а также всеми силами способствовать развитию судебной практики, отвечающей задачам формирования в России правового государства.

Обозначает ли недавно представленная концепция нового Гражданского процессуального кодекса, который также будет содержать нормы об экономических спорах между юридическими лицами и предпринимателями, что, вслед за ВАС РФ и Арбитражным процессуальным кодексом (АПК), скоро арбитражные суды перестанут существовать или станут чем-то наподобие коллегий по экономическим спорам в общих судах?

К сожалению, сказать что-либо определенное о перспективах развития гражданского процессуального права в России в настоящее время, как мне кажется, не представляется возможным. Я прихожу к такому выводу не только потому, что я не являюсь специалистом в этой области. Безусловно, современное регулирование гражданского процесса должно сыграть решающую роль в создании прогрессивной практики применения гражданского права развивая принципы состязательного судопроизводства, которое неразрывно связано с реализацией частноправового подхода в применении права. Однако для этого, по-видимому, потребуется также и новое поколение судей, осуществляющих правосудие на современном уровне.

Работа над новым ГПК косвенно свидетельствует о том, что можно ожидать исчезновение отдельной системы арбитражных судов и их слияние с судами общей юрисдикции. По-моему, такой подход представляется вполне оправданным, поскольку будет больше способствовать единообразию судебной практики применения Гражданского кодекса. Однако, реализация такого проекта связана с серьезными организационными трудностями. Кроме этого, при проведении такой реформы важно сохранить тот опыт и потенциал, которые были накоплены в предшествующие десятилетия в деятельности системы арбитражных судов в качестве самостоятельной ветви правосудия.

Как Вы оцениваете репутацию и роль Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ) в России и в мире? Каковы его основные отличительные черты в сравнении с другими международными арбитражными организациями?

МКАС, безусловно, продолжает, как и прежде, относиться к числу наиболее авторитетных арбитражных институтов в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Подавляющее большинство международных арбитражных процессов с участием российских предприятий проходит в МКАС. Очевидно, что для российских предприятий МКАС остается наиболее привлекательным местом рассмотрения международных споров по объективным причинам, в частности, в силу доступности информации о практике арбитража на русском языке, хорошо знакомая процедура арбитражного разбирательства, относительно невысокие арбитражные сборы. В этом, можно сказать, и состоит его основная особенность. Думается, что эта ситуация будет еще некоторое время сохраняться и в будущем, несмотря на то, что в России и других странах появляется немало новых арбитражных институтов. Естественно, это ставит перед МКАС задачу повышать

эффективность своей деятельности с точки зрения сокращения затрат времени на разрешение споров, а также экономии расходов на арбитражное разбирательство в целом, совершенствовать свой регламент, улучшать делопроизводство, обеспечить его необходимую прозрачность.

Как Вы думаете: повлияет ли санкционный режим между Россией и США/Евросоюзом на оформление оговорки о разрешении споров в международных договорах, заключаемых российскими компаниями (напр. выбор иной арбитражной институции)? Логично ли на этом фоне ожидать, что участвующие в международном арбитраже компании из России в будущем будут чаще назначать российских арбитров, а не иностранных?

По-моему, пока санкционный режим не повлиял существенным образом на практику рассмотрения международных коммерческих споров. И вообще, значение этих мер для международного арбитража необоснованно преувеличено. Надо помнить, что в количественном отношении санкции не затрагивают большинство российских участников внешнеэкономической деятельности. Более того, пока нет оснований утверждать, что эти меры сказываются или должны сказаться на текущей международной арбитражной практике в целом, о чем заявляли ведущие международные арбитражные центры в Париже, Лондоне, Стокгольме. Однако нельзя исключить, что в отдельных случаях в связи с санкциями могут возникнуть некоторые организационные проблемы по арбитражным разбирательствам. Я не думаю, что настоящая ситуация с санкциями приведет к тому, что в своем большинстве российские предприятия изменят свою политику в отношении арбитражных оговорок в части выбора места арбитражного рассмотрения споров со своими иностранными контрагентами.

Согласно международным исследованиям, более 70% решений, вынесенных в международном арбитраже, исполняются проигравшей стороной добровольно (т.е. без необходимости принудительного исполнения). Как, по Вашему опыту, дела обстоят в России? Часто ли решения МКАС или иностранных арбитражей (напр. ICC) исполняются российскими должниками добровольно или, как правило, победившей стороне приходится обращаться в российские арбитражные суды для признания третейского решения, а затем и к судебным исполнителям?

Исполняемость российскими должниками вынесенных международным арбитражем решений, в общем, соответствует тенденциям, наблюдаемым в международной практике. Хотя надо признать, что в целом то, что называется договорной дисциплиной в хозяйственных отношениях, в России пока еще оставляет желать лучшего. Иными словами, удельный вес просроченных предприятиями обязательств продолжает оставаться достаточно значительным. В то же время, если обязательство сформулировано в судебном акте, включая решение международного арбитража, то должники в этом случае в большинстве ситуаций становятся более покладистыми в

исполнении возложенных на них обязательств и стараются не доводить дело до принудительного взыскания. Что касается принудительного исполнения международных арбитражных решений, вынесенных как за рубежом, так и в России, то положение может быть охарактеризовано, как достаточно удовлетворительное, поскольку отказы в приведении в исполнение таких решений имеют небольшой удельный вес. Более того, в последние годы можно наблюдать положительную динамику в этой сфере.

Законодательство многих стран, например Германии, не делает разницы между международным арбитражем и третейским разбирательством на национальном уровне и содержат единые нормы для арбитража, независимо от наличия международного характера. В то же время, право ряда стран СНГ имеет в сфере арбитража два закона. Чем это вызвано и оправдан ли такой подход?

Дуализм регулирования третейского разбирательства в России, с моей точки зрения, вполне оправдан. Как известно, международный арбитраж в России имеет достаточно глубокие корни и его развитие в предшествующий период, как правило, соответствовало стандартам и практике, складывавшимся в международном обороте. С другой стороны, использование в России третейского разбирательства для решения внутренних экономических споров началось немногим более двух десятилетий назад. По сути, этот способ внесудебного урегулирования хозяйственных споров для российского юридического сообщества открывался заново. Третейский суд во внутренних хозяйственных отношениях начал развиваться в условиях, когда еще не сформировались правильные представления о правовой природе и особенностях данного альтернативного способа разрешения экономических споров. Очевидно, что процесс становления нового способа разрешения экономических споров в начальный период проходил в условиях, когда принятое в начале 90-тых годов регулирование не отвечало общепринятым принципам третейского суда, устанавливая жесткий контроль над его деятельностью, в частности, за существом принятых третейским судом решений. Принятое в 2002 году специальное законодательство о третейских судах по внутренним спорам, в основном, ориентировалось на Типовой закон ЮНСИТРАЛ 1985 года, но включало в себя также и более жесткие правила, чем те, которые являются привычными для международного арбитража. Деловое сообщество восприняло очень позитивно созданные этим законом условия, и третейский суд стал использоваться весьма широко, было создано большое число постоянно действующих третейских судов. Естественно, что в условиях отсутствия опыта российская судебная практика во многих спорных случаях относительно процедуры и правовых последствий третейского разбирательства ориентировалась на привычные для судов принципы и правила, действовавшие в рамках государственной юстиции. Кроме того, не сформировавшаяся в необходимой мере предпринимательская этика в российском деловом сообществе породила также злоупотребления институтом третейского суда в целях обхода действующего

законодательства. Более того, государственные суды в большинстве случаев в отношении третейского суда свою основную задачу видят в осуществлении контроля, а не содействия его деятельности. Иными словами, практика внутреннего третейского суда в России нуждалась в дополнительной регламентации, отвечавшей реально сложившимся отношениям. Однако эти проблемы, как правило, не затрагивали практики развития международного арбитража, который, естественно, ориентировался на международные стандарты. Для соблюдения этих стандартов в практике третейского суда при решении споров между российскими предприятиями пока еще не сложились необходимые предпосылки объективного и субъективного характера. Именно поэтому, пока в России, как впрочем, и в ряде других стран на постсоветском пространстве, будут существовать серьезные различия в практике международного арбитража и «внутреннего» третейского суда, вполне оправданным будет существование двух соответствующих законов об арбитраже.

Каково Ваше мнение о реформе арбитражного/третейского законодательства в РФ, происходящей в настоящее время?

Надо отметить, что в целом третейские суды в России, речь идет, в основном, о постоянно действующих третейских судах, осуществляют свою деятельность вполне успешно. Лишь весьма незначительная часть их решений отменяется или лишается исполнительной силы государственными судами. В настоящее время, безусловно, третейские суды стали реальной альтернативой государственным судам при решении хозяйственных споров. Этот позитивный момент, естественно, создает предпосылки для повышения эффективности и расширения использования данного правового механизма, как важного средства саморегулирования делового сообщества. Проводимая в настоящее время в России реформа арбитражного/третейского законодательства сосредоточена на устранении тех недостатков, которые выявились в последние годы, в основном, в практике «внутреннего» третейского суда и которые, во многом, связаны с положением, которое я попытался описать в ответе на предыдущий вопрос. В законопроекте содержится немало новелл, которые должны положительно повлиять на практику арбитража/третейского суда. Вместе с тем, главное направление законодательной реформы в основном сводится к усилению государственного контроля за деятельностью третейских судов. В существенной части новое регулирование направлено на регламентацию деятельности постоянно действующих третейских судов, при этом правовой режим арбитража *ad hoc* не только остается без надлежащего внимания, но и его использование становится более ограниченным по сравнению с институциональным арбитражем. Кроме того, вводится ряд процессуальных норм, в частности, относящихся к арбитражным соглашениям, формированию арбитражных трибуналов, которые повышают казуистичность регулирования. Фактически все это приводит к значительному ограничению автономии воли сторон арбитражного разбирательства, что составляет основу регулирования третейского суда. Такие изменения в правовом регулировании могут

показаться полезными для развития «внутреннего» третейского суда, хотя этот подход все-таки оставляет серьезные сомнения. Однако, они вряд ли будут оправданы в отношении международного арбитража. Хотя регулирование международного арбитража, в принципе, будет и впредь подчиняться отдельному закону о международном коммерческом арбитраже, законопроект распространяет на международный арбитраж и ряд положений, отражающих усиление государственного вмешательства в арбитражный процесс и не соответствующих принятым международным стандартам.

Как Вы видите будущее арбитража в России? Что, на Ваш взгляд, необходимо для того, чтобы сделать Россию более привлекательным местом для проведения третейских разбирательств и международного арбитража?

Концепция реформы арбитража/третейского суда, проводимой в настоящее время в России, не включает в себя мероприятия, которые были бы необходимы для того, чтобы сделать Россию местом благоприятным для международного арбитража. Как видно из ответа на предыдущий вопрос, у меня вызывает серьезное сомнение, что принятие нового законодательства приведет также к расширению практики третейского разбирательства в России, поскольку оно оказывается в жестких рамках государственного регулирования. Это со всей очевидностью свидетельствует о значительном сужении свободы сторон самим решать вопросы, касающиеся рассмотрения своих споров с учетом их интересов и возможностей, что составляет основное достоинство этого способа решения споров и разногласий. Если говорить о международном арбитраже, то в таких условиях российским предприятиям будет чрезвычайно трудно договариваться со своими иностранными контрагентами рассматривать свои споры в России. Вызывает сожаление, что многие моменты, характерные для современной практики международного арбитража за рубежом не были учтены при разработке реформы российского арбитражного законодательства.

Повысить рейтинг России с точки зрения привлекательности в качестве места арбитража невозможно в короткий период: для этого требуются многие годы упорных и направленных усилий. В принципе, этого можно достичь только тогда, когда российское арбитражное законодательство и практика его применения будут отвечать ожиданиям российских и иностранных предпринимателей в том, что при разрешении между ними коммерческих споров на территории России они окажутся в условиях, которые, как формально, так и на практике, будут не хуже, чем в любом ином центре международного арбитража.

Вы много лет участвуете в качестве арбитра в международных арбитражах и являетесь одним из самых известных в мире российских специалистов в сфере международного арбитража. Какой совет Вы бы дали молодым юристам, которые стремятся к специализации в этой сфере? Какие навыки, на Ваш взгляд, наиболее важны для арбитра?

Мой совет – постоянно заниматься повышением своей профессиональной квалификации, активно участвовать в мероприятиях, связанных с международной арбитражной практикой (конференциях, семинарах), следить за специальной литературой, заниматься научными исследованиями в этой области. Кроме того, для тех, кто хочет добиться успеха в области международного арбитража в качестве адвоката и, в особенности, арбитра, важно постараться проникнуться философией и духом арбитража, понять всю глубину и особенности данного правового феномена, т.е. не воспринимать его лишь как совокупность формальных правил.

У Вас есть ощущение, что на смену опытным специалистам по международному арбитражу в России придет молодое поколение компетентных юристов? Если нет, то чего для этого не хватает?

В настоящее время в среде молодого поколения российских юристов, интересующихся международным арбитражем, большинство составляют те, кто работает в крупных международных юридических фирмах, доминирующих на российском рынке адвокатских услуг в области международного арбитража. Практически они все получили определенную подготовку за рубежом. Это, в принципе, совсем не плохо, т.к. дает возможность использовать богатый опыт арбитража за рубежом. Пока лишь немногие российские юридические фирмы занимаются международным арбитражем. Однако хотелось бы, чтобы российские юридические фирмы были бы более вовлечены в практику международного арбитража, хотя сделать это в настоящее время затруднительно в связи с высоким уровнем конкуренции со стороны международных юридических фирм. Безусловно, что для более активной деятельности российских юристов в этой области понадобится немалое время, поскольку авторитетных российских специалистов в области международного арбитража все же не так много, как необходимо для постоянной подготовки квалифицированных кадров в российских учебных заведениях.

Каково Ваше мнение и позиция МКАС относительно проблемы т.н. «карманных третейских судов» в России, которые в последнее время были предметом широкого обсуждения и ряда судебных решений? Может ли, по Вашему мнению, эта дискуссия негативно отразиться на институте третейского разбирательства как такового и доверию к третейским судам в предпринимательских кругах?

Во многом данная проблема с самого начала представлялась мне надуманной и не имевшей под собой серьезных правовых оснований. Здесь, вероятно, помимо отсутствия необходимой профессиональной компетентности по вопросам арбитража, серьезную роль сыграли чисто субъективные моменты. Сейчас после того, как Конституционный Суд РФ высказался о доктрине «объективной» беспристрастности, которая лежала в основе сложившейся не без сильной поддержки со стороны ВАС РФ судебной практики по «карманным третейским

судам», ситуация выправляется. Конституционный Суд однозначно заявил, что вопрос о беспристрастности в арбитражном процессе касается не института, по правилам которого осуществляется арбитражное разбирательство, а арбитров, разрешающих конкретный спор. Поэтому делать вывод о «карманных третейских судах», основываясь только на анализе их правового положения и персонального состава, будет неправильным. Таким образом, данная проблема, в принципе, во многих отношениях потеряла свою актуальность.

Вы являетесь членом Президиума Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации с 1993 г.и возглавляли его до 2010 г. Как за последние 20 лет изменилась практика МКАС при ТПП РФ с точки зрения участвующих сторон, предмета спора, суммы иска, продолжительности разбирательства?

Каких-либо существенных изменений в практике МКАС в последние годы не произошло. Она представляется достаточно стабильной в своих основных аспектах. Тем не менее, можно отметить, что заметно усложнились поступающие на рассмотрение в МКАС споры с юридической точки зрения. Они также стали более разнообразными по своему содержанию. Увеличивается, в основном, за счет организаций из стран СНГ, количество споров, в которых участвуют обе нероссийские стороны. Стало больше споров, связанных с установлением компетенции МКАС.

Как Вы видите развитие медиации в России?

Пока еще медиация используется российскими предприятиями сравнительно редко. Я думаю, что это связано с тем, что деловое сообщество еще недостаточно хорошо знакомо с этим способом внесудебного урегулирования споров. Однако я уверен, что доверие предпринимателей к этому альтернативному средству решения экономических конфликтов будет возрастать по мере развития стабильных деловых отношений и формированию необходимой деловой этики в предпринимательских кругах.

Вы являетесь членом делегации РФ на сессиях и в рабочих группах Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и одним из основных специалистов по Венской Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (CISG) в России. Существуют ли какие-либо особенности применения Венской Конвенции российскими предпринимателями, юристами или судами?

Венская конвенция хорошо известна в российских юридических кругах среди специалистов, занимающихся внешнеторговыми сделками. Она применяется в России достаточно часто, как в международном арбитраже, так и в государственных

судах. Недавно, в связи с участием в работе над новой редакцией Сборника ЮНСИТРАЛ по практике применения Венской конвенции (UNCITRAL CISG Digest), я просмотрел практику применения Конвенции в МКАС и некоторых федеральных арбитражных судах. В целом можно сделать вывод, что Конвенция применяется судами и арбитражами достаточно корректно, и каких-либо принципиальных отличий от практики ее применения в зарубежных странах я не обнаружил.

Знакомы ли Вам случаи, когда невозможность исполнения договора в связи с действующим санкционным режимом была предметом разбирательств в российских судах или МКАС?

Мне такие случаи не известны.

Вы хорошо владеете немецким языком. Как возник Ваш интерес к немецкому языку и Германии?

Немецкий язык я начал изучать еще в средней школе. Во многом причиной моего интереса к немецкому языку было то, что у нас была очень хорошая учительница по немецкому языку, которая учила нас не только языку, но старалась рассказывать о немецкой культуре, традициях. В институте моим первым языком стал английский, но продолжал также и изучение немецкого языка в качестве второго иностранного. В дальнейшем это сыграло свою роль в становлении моей профессиональной карьере.

С 1974 по 1977 г. Вы работали юристом в Торгпредстве СССР в Берлине. Какие впечатления остались у Вас от работы и жизни в Западном Берлине в тот период?

В 1974-77 году я работал юристом в советском внешнеторговом представительстве, которое находилось на территории Западного Берлина и официально называлось Бюро советских внешнеторговых организаций в западных секторах Берлина. Оно было учреждено в связи с подписанием в 1971 году Четырехстороннего соглашения (СССР, США, Великобритания, Франция), которое в определенной степени нормализовало напряженные отношения между четырьмя державами-победительницами вокруг Западного Берлина. Таким образом, я был в числе первых советских представителей, которые могли постоянно находиться в Западном Берлине. В это время мне приходилось также бывать и в восточной части Берлина, бывшего в то время столицей ГДР, где находилось Торгпредство СССР в ГДР. Наше Бюро имело самостоятельный статус. Иными словами это было уникальное место во многих отношениях. В целом работа была интересной, поскольку мне приходилось иметь дело и с вопросами международного права и проблемами, возникавшими на уровне коммерческих сделок. Годы работы в Западном Берлине дали мне

возможность приобрести разнообразный практический опыт, который мне очень пригодился в последующей деятельности, а также более глубоко изучить частное право и современную практику его применения, что мне очень помогло в моей научной работе.

Александр Сергеевич, большое спасибо за интересную беседу и Ваши подробные и познавательные ответы!

Вопросы задавал Дмитрий Маренков, член правления Германо-Российской ассоциации юристов (DRJV).